

ДИСКУССИИ

ЛОГИКА СМЫСЛА: ЗА И ПРОТИВ

В начале 2022 в Институте философии прошел круглый стол, организованный журналом «Вопросы философии» и посвященный обсуждению монографии А.В. Смирнова «Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению» (М., 2021). Его текст был опубликован в 6-м номере «Вопросов философии» за 2022 г. Участники обсуждения переработали и существенно расширили свои выступления, которые мы публикуем в виде авторских статей. К дискуссии подключился ряд новых участников.

С.Ю. Бородай

ГЛУБИННАЯ ЛОГИКА И ПРОБЛЕМА СХЕМАТИЗАЦИИ*

Бородай Сергей Юрьевич – научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sergey_boroday@inbox.ru

Статья представляет собой расширенную версию доклада для круглого стола «Процессуальная логика и философия сознания», посвященного ключевым идеям А.В. Смирнова. В работе рассмотрены две темы: проблема логического и проблема связи глубинной логики с лингвоспецифичным когнитивным развитием. Автор критикует распространенную редукцию «логического» к университетской логике и предлагает понимать логико-смысловую теорию А.В. Смирнова как программу анализа интуиций и процедур, лежащих в основе частных видов логики. Выдвинутое в рамках этой теории различие между субстанциальной логикой и процессуальной логикой анализируется в свете теории схем. В статье утверждается следующее: 1) существенный вклад в наше когнитивное развитие вносят врожденные, а также формирующиеся в процессе онтогенеза и усвоения культуры сенсомоторные схемы; 2) они являются прото-репрезентациями, обладающими имманентной логикой (логической наглядностью), мультимодальностью и автоматизмом; 3) различие субстанциальной логики и процессуальной логики обусловлено доминированием

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798, внутренний номер 13.1902.21.0022).

одной из схем (вместилище vs действие) вследствие усвоения языка и других культурных практик; 4) это различие является не только онтогенетическим, но и перманентным, т.е. оно поддерживается в режиме реального времени через имплицитные вербализации, или «внутреннюю речь»; 5) историческое появление этих схем в языке и культурных практиках и доминирование какой-то одной из них обусловлены особенностями человеческой телесности и ее включенностью в структурно организованную действительность.

Ключевые слова: логика, язык и познание, образные схемы, когнитивное развитие, когнитивная семантика

Для цитирования: *Бородай С.Ю.* Глубинная логика и проблема схематизации // *Философский журнал / Philosophy Journal.* 2022. Т. 15. № 4. С. 5–15.

Логико-смысловая теория А.В. Смирнова (далее ЛСТ) – как и любая интегральная философская теория – имеет множество измерений, каждое из которых по-своему интересно и требует обсуждения. В данной статье я сосредоточусь лишь на двух таких измерениях: проблеме «логического» и связи глубинной логики с лингвоспецифичным когнитивным развитием. Последняя тема также обсуждается в моей монографии «Язык и познание: введение в пострелятивизм»¹, так что за более подробными разъяснениями отсылаю к ней.

Свой анализ я хотел бы предварить цитатой из лекции М. Хайдеггера о Гераклите, датируемой 1944 г. Критикуя классическое деление философии на «физику», «логику» и «этику», он говорит:

«“Логика” – это метафизика “логоса”. Будучи метафизикой, она решила, в каком качестве и как именно “логос” является для нее темой и предметом мышления, то есть какова сущность самого “логоса”. Но так ли уж само собой разумеется, что “логика” (хотя она и получает свое имя от “логоса”) исходным образом и в достаточной мере познает, схватывает и удерживает существо “логоса”? Быть может, то, что называется “логикой”, лишь потому так названо, что здесь *λόγος* берется в совершенно особом отношении, но, правда, так, что потом возникает мнение, будто через это отношение он постигается истинно? А вдруг именно “логика” ошибается в определении сущности “логоса”? Что если эта ошибка привела к тому, что именно “логика”, которая – если судить хотя бы по ее имени – выдает себя за познание “логоса”, на самом деле способствует его непониманию и своим господством препятствует всякому исходному размышлению о “логосе”, потому что всякое иное размышление о нем и его припоминание, выходящее за рамки “логического”, сразу воспринимается как несоответствующее? Нет никакого основания считать, что “логика” является единственным исходным размышлением о *λόγος*’е, сообразным его природе. Наоборот, есть причины утверждать, что именно “логика” не только препятствовала его сущностному раскрытию, но запрещала и донныне запрещает это делать»².

Я привел эту цитату по той причине, что неоднократно сталкивался с мнением – и это было в дискуссиях между сотрудниками Центра философии сознания и когнитивных наук ИФ РАН, – что ЛСТ не имеет отношения к «логике» как таковой. Здесь можно высказать два замечания. Во-первых, нужно спросить: что такое «логика»? Если речь идет о логике, которая

¹ *Бородай С.Ю.* Язык и познание: введение в пострелятивизм. М., 2020. С. 566–606, 697–698.

² *Хайдеггер М.* Гераклит. СПб., 2011. С. 286–287.

преподается на философских факультетах, то ничего подобного такому «учению о правильном мышлении» мы не найдем у многих значительных философов. Где у вышеупомянутого М. Хайдеггера «логика» такого типа? Когда Ж. Делёз говорит о «логике смысла», имеет ли он в виду такую «логику»? Или, может быть, ее имеет в виду А.Ф. Лосев, когда анализирует музыку как «предмет логики»? На самом деле, в философии нет консенсуса по проблеме эпистемологического статуса и релевантности того, что преподается на философских факультетах в качестве «логики», поэтому притязания профессиональных логиков на монополизацию «логического» сами по себе нуждаются в обосновании.

Второе замечание состоит в том, что современная университетская логика сущностно оторвана от онтологии и потому она не может претендовать на то, что в каком-то виде репрезентирует классическую логику. Если мы возьмем такой диалог Платона, как «Парменид», то там логическое (точнее, диалектическое) развертывание связей единого и многого, одного и иного, сущего и не-сущего и др. отражает некую имплицитную структуру бытия, что хорошо было понято неоплатониками (несмотря на различия в содержательной трактовке «гипотез»). Логические работы Аристотеля – это тоже не столько о «правильном мышлении» самом по себе, сколько о том «мышлении», которое адекватно бытию, являющемуся в своей основе порожденным абсолютным мышлением; иными словами, мыслимое в бытии и само мышление имеют общую природу, за счет чего и обеспечивается возможность «правильности» – совпадения бытия и мышления³. Эта глубинная связь логики и онтологии, генетически восходящая к пифагорейскому учению об уме, *νοῦς*, наследуется и некоторыми новоевропейскими философами, в особенности Гегелем, а от них попадает к русским философам, у которых осмысляется в новой перспективе.

Я считаю, что «логическое» в рамках ЛСТ – это как раз то «логическое», т.е. относящееся к *Логосу* (а не к университетской логике), что мы находим в русской философской традиции. В связи с этим, например, можно было бы вспомнить о противопоставлении «европейского рационализма» и «логизма», предложенном В.Ф. Эрном. В этом смысле ЛСТ, претендующая на демонстрацию ограниченности и партикулярности европейских интеллектуальных моделей, может рассматриваться как разновидность «борьбы за логос», но уже на иных основаниях. Наиболее верно было бы говорить о том, что ЛСТ имеет дело с «глубинной логикой» (по аналогии с «глубинной грамматикой» в лингвистике). Она призвана выявить те базовые интуиции и процедуры, которые лежат в основе частных видов логики. Можно дискутировать о том, в какой степени это удастся сделать, но важно понимать саму *направленность* указанного проекта. Не имеет смысла анализировать его «с точки зрения логики», поскольку речь идет не об университетской логике, а о принципах функционирования этого и любого другого вида логики. Говорить нужно именно на этом уровне – на уровне оснований.

Далее я хотел бы затронуть как раз одну из базовых гипотез ЛСТ, которая имеет дело с различием субстанциальной логики (С-логики) и процессуальной логики (П-логики). Как известно, в ЛСТ дано подробное описание

³ «Ум через сопричастность предмету мысли мыслит сам себя: он становится предметом мысли, соприкасаясь с ним и мысля его, так что ум и предмет его – одно и то же» (Аристотель. Метафизика. М., 2015. С. 363).

того, что называется «пространственной интуицией целостности», которая служит фундаментом С-логики⁴. Для этого используется ряд метафор – например, метафора «шкатулки», в которой имеется два отсека: в одном из них купец держит золотые монеты, а в другом – серебряные. Купец способен любоваться лишь одной монетой, так что в каждый такой момент он достает либо золотую, либо серебряную монету и затем кладет обратно. Структура шкатулки и акт извлечения монеты иллюстрируют базовую интуицию, по которой работает С-логика: извлеченная монета является самой собой, она устойчива, «субстанциальна» (закон тождества); она является либо золотой, либо серебряной (закон противоречия), она не может быть из другого металла (закон исключенного третьего). Отсюда справедливо делается вывод, что С-логика базируется не на чистой форме, а на логико-содержательной структуре, выводимой из интуиции, мы бы сказали – на логической наглядности. И из этой логической наглядности эксплицируются уже все детали мыслительного процесса. Что же касается П-логики, то она опирается на не менее фундаментальную интуицию протекания, которая подразумевает общую структуру «действитель-действие-претерпевающее» и вытекающие из нее логические законы, обуславливающие развитие арабско-мусульманской культуры⁵.

Но какова природа этих «базовых интуиций» и как происходит переход от логической наглядности к логике в узком смысле слова? В ЛСТ эта тема разработана не так подробно, как хотелось бы. Отмечается, например, что пространственная интуиция целостности была бы невозможна без интуиции пространственных границ, которая укоренена в нашем телесном опыте; этот же опыт дает начало нашему представлению о субстанциальности. Интуиция процесса, в свою очередь, отражает базовую связанность воспринимающего и воспринимаемого, служащую конститутивным элементом акта перцепции⁶. Если обобщить эти предположения, то можно сказать, что пространственная интуиция фундирована в моторном опыте, а процессуальная – в перцептивном. Моя гипотеза состоит в том, что это базовое различие «интуиций» должно объясняться в свете теории доконцептуального опыта, опирающейся на понятие *схемы*. Эта теория, конечно, еще находится в стадии разработки, тем не менее по указанной проблеме в философии и когнитивной науке уже собран огромный материал, нуждающийся в осмыслении (так называемая проблема «образных схем», *image schemata*)⁷. Как будет показано далее, различие между С-логикой и П-логикой, вероятно, объясняется тем, что в раннем детстве в когнитивном плане начинает доминировать либо схема вместилища («внутри-граница-снаружи», т.е. пространственная интуиция), либо схема действие («действитель-действие-претерпевающее», т.е. интуиция протекания).

⁴ Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М., 2015. С. 159–208; Он же. Логика смысла как философия сознания. М., 2021. С. 46–47, 88–90, 197–199.

⁵ Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. С. 183–208.

⁶ Там же. С. 168–169.

⁷ О понятии схемы в истории философии: Scaglia L. Kant's Notion of a Transcendental Schema. Berlin, 2020. Концепт образной схемы ввел М. Джонсон: Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago, 1987. Современное состояние проблемы: Бородай С.Ю. Язык, концептуализация и воплощенное познание // Человек. 2022. № 33 (2). С. 46–64.

Схема – это доконцептуальный (преноэтический) сенсомоторный паттерн, который формируется в процессе онтогенеза, составляет значительную часть «когнитивного бессознательного» и служит основой для развития абстрактного мышления и многих абстрактных концептов. Важно, что схема не является представлением, или «репрезентацией». Значительную часть работы сознания (если не всю эту работу) невозможно объяснить в репрезентационалистском ключе. Например, моторные программы, обеспечивающие движение пальцев рук, ног или даже целую процедуру, такую как взаимодействие с мячом в спортивных играх, не работают с репрезентациями – по крайней мере, если мыслить последние в классическом значении. Конечно, мы вынуждены описывать схемы как репрезентации – просто потому, что способ передачи научного знания – как и любого «высокоуровневого» знания – имеет преимущественно репрезентационалистский характер. Однако сами схемы, похоже, являются чем-то вроде сенсомоторных паттернов взаимодействия, которые кодируются в сознании / когнитивном бессознательном в виде спатIALIZED информации – если угодно, можно назвать их прото-репрезентациями (по типу топологических). Это одна из причин того, почему схемы недостаточно мыслить в качестве «форм», «скелетов», на которые нанизывается «плоть» смысла; в то же время дуализм формы и содержания едва ли может быть преодолен при репрезентации знания (при том что, как справедливо отмечено в ЛСТ, чистые и бессодержательные формы невозможны, как и немислимо бесформенное содержание, которое в таком виде ничем не отличалось бы от бессодержательности, или просто отсутствия).

Другими важными свойствами схем являются *мультиmodalность* и *преноэтичность*. Одна и та же схема может функционировать в разных модальностях (зрительной, слуховой, тактильно-кинестетической и др.) и нередко допускает перевод информации из одной модальности в другую. Так, схема вместилище («внутри-граница-снаружи») воспринимается визуально, когда мы видим, как кто-то кладет ножницы в ящик; она может схватываться через моторную активность, когда мы сами кладем ножницы в ящик; мы можем слышать, как один звук проникает в другой; мы можем тактильно ощущать погружение в какую-либо субстанцию (например, в воду) или можем оказаться в чьих-либо объятиях; также схема вместилище может появляться в разнообразных описаниях в отношении различных модальностей или использоваться метафорически («находиться в каком-либо состоянии», «окунуться с головой во что-либо» и т.д.). Что касается *преноэтичности*, то она подразумевает, что схемы онтогенетически первичны по сравнению с концептуальным мышлением, т.е. относятся к тому, что обычно именуют «доконцептуальным» опытом; но при этом они могут быть актуализированы на разных уровнях сознания в режиме реального времени. В контексте гештальтной теории внимания это означает, что они обычно находятся в области контекста и горизонта и не фиксируются интроспективно, но при определенных обстоятельствах могут быть переведены в фокус.

Выше уже были упомянуты схемы вместилище и действие. В когнитивной семантике выделяется целый набор схем, притом нельзя сказать, что имеется консенсус по этому вопросу. Однако все же признается, что следующие схемы обладают если не универсальным, то почти универсальным статусом: вместилище («Иван вошел в комнату», «Он погрузился в сон»), источник-путь-цель («Иван поехал из магазина домой», «Он был христианином, но

свернул с истинного пути»), часть / целое («Рука – член тела», «Человек – член общества»), связь («Утюг включен в розетку», «Иван наладил отношения с тещей»), центр / периферия («Он переехал из центра города на окраину», «Ядром когнитивной семантики является концепция образных схем»), верх / низ («Иван жил на этаж выше нее», «Иван имел власть над ней»), впереди / сзади («Иван не успевал за отрядом», «Все плохое – позади») и др. – в общей сложности порядка 15–20 схем. Есть и менее распространенные схемы, которые тоже подробно анализируются в литературе (например, слева-справа).

На самом деле, с теорией образных схем не все так хорошо, как хотелось бы, – несмотря на огромный объем эмпирического материала, сама теория еще в стадии формирования и имеющиеся в рамках ЛСТ концептуальные наработки способны обогатить ее. Какие проблемы сразу бросаются в глаза? Выше я отметил, что такая схема, как вместилище, имеет определенную структуру, поскольку состоит из элементов «внутри», «граница» и «снаружи», – и, как следствие, имманентную «логику» (логическую наглядность), которая подталкивает к развертыванию более сложных логических паттернов определенного типа (на этом же настаивает и ЛСТ). Но можно ли однозначно утверждать, что сама эта схема универсальна? Что касается схемы вместилище, похоже, дело обстоит именно так, однако большинство других схем не являются универсальными. В работах психологов развития (Дж. Мандлер, С. Чхве, К. Хэттрап и др.) показано, что многие схемы формируются в первые годы жизни в особом культурном окружении, притом некоторые из них являются лингвоспецифичными и культуроспецифичными. Об этом же свидетельствуют исследования когнитивных антропологов (С. Левинсон, П. Дасен, Р. Мишра и др.), которые на материале нескольких десятков культур показали, что траектория усвоения так называемых систем ориентации лингвоспецифична – например, релятивная система ориентации, в которую включена схема слева-справа, используется далеко не во всех языках и потому усваивается не везде. Это заставляет более внимательно относиться к проблеме европоцентризма в определении «универсального набора образных схем»⁸.

Другим аспектом указанной проблемы является то, что сама формулировка концепции образных схем может оказаться зависимой от европейских языков (прежде всего от английского) и характерных для них паттернов выражения. В литературе по когнитивной семантике активно используются формулировки именно из европейских языков, притом попытки сравнить их с неевропейским материалом делаются редко (хорошим исключением являются работы Л. Талми), а ведь это, возможно, привело бы к изменению самой базовой концепции. К сожалению, когнитивная лингвистика и вообще в целом когнитивная наука, несмотря на заметный прогресс в последние годы, все еще остаются европоцентристскими, а образцовым испытуемым по-прежнему является студент европейского или американского университета. Вполне может оказаться, что построенные с опорой на факты английского языка абстрактные определения схем не имеют параллелей в других языках, не формулируются в них удовлетворительным образом или просто имеют иную организацию. Конечно, все это еще нужно изучать, постоянно задаваясь вопросом о собственном инструментарии. ЛСТ как раз демонстрирует

⁸ Подробнее см.: *Бородай С.Ю.* Язык и познание. С. 225–296, 356–361.

хороший пример, поскольку делает следующий шаг в этом направлении. Необходимо, с одной стороны, расширять эмпирический материал, а с другой – стремиться переосмыслить тот материал, на котором построена теория образных схем, в свете незападных традиций мысли, что позволит сформировать альтернативную модель (в том числе на уровне языка – хотя неизбежно встанет вопрос о формализации). Теоретические рассуждения здесь должны развиваться одновременно с накоплением и осмыслением эмпирического материала – теория расширяет эмпирику и способствует ее реорганизации, а эмпирика обогащает теорию и способствует ее последующей трансформации.

И все же мы должны понимать, где находимся сейчас. Проблема схематизации – это очень большая тема. Ниже я попытаюсь вкратце представить, как с опорой на нынешнее положение дел в этой области мы можем прояснить механизм, посредством которого схемы обеспечивают доминирование (отмечаемое в рамках ЛСТ) того или иного типа глубинной логики в культуре.

Сама по себе способность к схематизации является универсальной. Она проявляется уже на пренатальной стадии развития человека, в результате чего человек рождается с рядом сформированных схем (или, по крайней мере, находящихся в начальном виде): такова схема тела (структурированный набор проприоцептивных «ощущений» в их связи с пространственным окружением, ср. с «телесной интуицией» в ЛСТ), схемы верх / низ, впереди / сзади и вместилище. Возможно, какие-то еще схемы входят в этот врожденный набор – требуются дополнительные исследования, чтобы уточнить этот момент. Важно, что уже с рождения пространственные схемы используются не только в непосредственном моторном опыте, но и для оценки окружения, в частности для ориентации в пространстве – эта способность известна как аллоцентрическое кодирование пространственных отношений, и она имеется даже у крыс⁹. Врожденные схемы формируют категорию базовых схем вместе с набором структур, которые складываются в раннем детстве: движение, одушевленное / неодушевленное, связь, путь, центр / периферия и др. Предположительно, базовые схемы являются универсальными, т.е. их разделяют все представители человеческого вида, что обусловлено, с одной стороны, характером телесной конституции человека, а с другой – универсальными сенсомоторными способами ее развертывания на планете Земля; нельзя также исключить влияние каких-то общечеловеческих культурных факторов.

В более поздний период формируются прочие, более сложные схемы, такие как слева / справа и набор комплексных систем ориентации (встроенная, абсолютная и относительная), притом траектория и порядок их формирования лингвоспецифичны и культуроспецифичны. Тело, пространство и движение – это три сферы, где складывается большинство базовых схем. Другие области – такие как действие, агентивность, время, поле коммуникации и пр. – выстраиваются с помощью базовых и комплексных схем. В литературе по когнитивной семантике хорошо показано, что базовые схемы используются для формирования более абстрактных областей и вообще сферы представлений – с помощью таких механизмов, как метафора, метонимия, ментальные пространства и др. Отсюда, конечно, не следует, что абстрактное исчерпывается схематическим – нет, оно включает нечто *большее*, и это большее еще не получило хорошего объяснения в когнитивной науке,

⁹ Там же. С. 270–276.

в том числе в нейронауке (возможно, мы имеем дело с эмерджентным свойством, которое не выводится напрямую из базовых механизмов). Однако схемы дают абстрактной области структуру, а значит – имманентную логику, по которой она затем может развиваться. Так, например, схема впереди-сзади является универсальной, но характер ее метафорического отображения на область времени допускает вариации: в большинстве языков и культур мы имеем дело с метафорой будущее – впереди, прошлое – позади, а у индейцев аймара (в языке, жестикуляции и культурных представлениях) преобладает метафора прошлое – впереди, будущее – позади; кроме того, в некоторых языках и культурах вообще не допускается структурирование времени в соответствии с пространственными схемами, т.е. его «спатииализация» (это свидетельствует о том, что спатииализация времени в принципе не является чем-то универсальным). Отталкиваясь от уже структурированной области темпоральных представлений, затем могут выстраиваться философские и научные теории.

Склонность к использованию в определенных сферах одних схем и метафор и игнорированию других не является произвольной, но формируется довольно рано, когда усваиваются язык и культурные практики, и она редко корректируется в течение жизни. Вероятно, доминирование глубинной логики процессуального типа (П-логики) у носителей арабо-мусульманской культуры обеспечивается когнитивным доминированием схемы действие, которое, в свою очередь, обеспечивается культуроспецифичным развитием индивида. Почему траектория развития в какой-то момент становится культуроспецифичной? Дело в том, что культурные практики (и, в частности, язык) представляют собой объективированный опыт предыдущих поколений, который особым образом интернализируется каждым новым членом культуры. Этот опыт таков, что, с одной стороны, допускает интернализацию *любым* человеком, т.е. является универсально интернализируемым, а с другой – выступает опытом *конкретной* культурной группы, т.е. является специфичным и относительным. Таким образом, каждый индивид может считаться носителем как универсальных «человеческих» (видовых) схем, так и особых схем, характерных для данной культуры и для данного языка (которые, в свою очередь, выстраиваются на основе универсальных, но в процессе интернализации культурного опыта). Важно понимать, что практики, через которые транслируются культуроспецифичные схемы, очень разнообразны: конечно, прежде всего это вербальный язык, содержащий уникальные фонологические, лексические, морфосинтаксические и просодические паттерны; однако большой значимостью обладает также конвенциональная жестикуляция, способы обращения с предметами, многочисленные телесные практики, ритуалы и т.д. Иными словами, когда мы рассматриваем только один из факторов, например язык и интеллектуальную культуру, то имеется опасность редукции всего комплекса схем к какой-то одной «магистральной» схеме. Впрочем, вполне очевидно, что именно язык и интеллектуальная культура (в широком смысле слова) являются стержнем любого общества, поэтому они нуждаются в изучении в первую очередь.

В ЛСТ отмечается, что на доминирование С-логики или П-логики оказывает влияние «культурная принадлежность» и что их основа – «мышление»¹⁰. С первым утверждением можно согласиться. Выше я уже указал, что

¹⁰ См.: Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. С. 421–436.

трансляция идет через культурные практики. Однако можно спросить: а какие именно практики оказываются решающими? Будет ли арабоязычный человек, выросший в Европе, демонстрировать П-логику? А будет ли ее демонстрировать носитель индоевропейского языка, выросший в арабской или исламской культуре? Мы пока не знаем точного ответа. Что касается второго утверждения – утверждения о «мышлении», то здесь как будто предполагается, что «мышление» (или «способы смыслополагания») – это что-то устойчивое и дающееся в готовом виде (по крайней мере, до усвоения языка; в любом случае, на мой взгляд, этот момент недостаточно подробно проработан в ЛСТ). Конечно, к какому-то возрасту, может быть, годам к 8–10, основные мыслительные процедуры уже сформированы. Но формируются они в более ранний период и под влиянием целой совокупности факторов, в том числе языкового фактора. Структура языка и конвенциональный способ говорения (или узус, «речь») – это не то, что определяется индивидуальным «мышлением» представителя данной культуры, но то, что определяется «мышлением» данного культурного сообщества в его исторической динамике. Они усваиваются носителем языка в *готовом* виде, и это происходит задолго до того, как «мышление» оказывается полностью сформированным. Главный тезис, который высказывается в моей монографии, состоит в том, что именно структура языка и конвенциональный способ говорения являются теми решающими факторами, которые обеспечивают культуроспецифичное смыслополагание. Более того, я рассматриваю многочисленные механизмы такого обеспечения, и здесь надо сказать, что формативное воздействие в детстве – лишь один из таких механизмов. Не менее важный механизм – перманентное регулирование через внутреннюю речь, т.е. влияние на восприятие и мыслительный процесс в режиме реального времени. Имеются многочисленные эксперименты, которые подтверждают этот тезис. Кроме того, о наличии такого механизма влияния говорят исследования билингвизма, вербальная интерференция, неинвазивная стимуляция мозга и др.

На самом деле, этим проблема не снимается, но лишь отодвигается в иную плоскость: встает вопрос о причинах доминирования тех или иных схем, формирующих определенный способ смыслополагания, в языке данного сообщества. Но на подобные вопросы единственный хороший ответ состоит в том, что эти способы смыслополагания сложились исторически, и они отражают специфические тенденции, ограниченные человеческим опытом (его телесностью и укорененностью в структурированной действительности). Похожая проблема имеется в лингвистике. Каждый язык имеет уникальную внутреннюю организацию. Однако можно выделить типы этой организации – например, самая общая типология по индексу синтеза: аналитические, синтетические и полисинтетические языки. Для отдельных языков мы даже можем предположить эволюцию от аналитизма к полисинтетизму и назад. Однако мы точно не знаем, почему это происходит и почему в той или иной культуре начинает доминировать определенный тип. Иначе говоря, нам известно, что в языках мира в среднем слово состоит из определенного количества морфем (от 1 до 4), т.е. имеются ограничения на вариации и слово в среднем не может состоять из 20 или 50 морфем, но почему ситуация именно такова, можно лишь предполагать (например, многие языковые ограничения, вероятно, связаны с особенностями рабочей памяти и реалий коммуникации). Ровно так же обстоит дело и с различными

типами смыслополагания: похоже, их количество ограничено, и они исторически могут меняться и переходить друг в друга (либо возможны какие-то смешанные варианты), но почему в данном культурном сообществе к данному моменту (к моменту фиксации нами) возобладал определенный тип смыслополагания – на это мы вряд ли будем способны ответить, хотя нужно попробовать, ведь надежда умирает последней.

Таким образом, если резюмировать представленные выше идеи, то можно сказать следующее: 1) существенный вклад в наше когнитивное развитие вносят врожденные, а также формирующиеся в процессе онтогенеза и усвоения культуры сенсомоторные схемы; 2) они являются прото-репрезентациями, обладающими имманентной «логикой» (логической наглядностью), мульти-модальностью и преноэтичностью; 3) отмеченное в ЛСТ различие С-логики и П-логики, вероятно, обусловлено доминированием одной из схем (вместилище vs действие) вследствие усвоения языка и других культурных практик; 4) это различие является не только онтогенетическим, но и перманентным, т.е. оно поддерживается в режиме реального времени через имплицитные вербализации, или «внутреннюю речь» (гипотетически в экспериментах оно должно нивелироваться или снижаться с помощью вербальной интерференции); 5) историческое появление этих схем в языке и культурных практиках и доминирование какой-то одной из них обусловлены особенностями человеческой телесности и ее включенностью в структурно организованную действительность. На самом деле, я не думаю, что имеется нечто вроде «абсолютной обусловленности» той или иной культуры определенным типом логики (похоже, в ЛСТ это тоже не предполагается): скорее, нужно говорить о *доминантах*, которые могут быть по-разному распределены не только в исторической перспективе, но и в различных срезах культуры (например, в интеллектуальной культуре может доминировать С-логика, а в каких-то сферах народной культуры – П-логика; систематически эта тема еще не изучалась). Ввиду того что проведенные в рамках ЛСТ исследования и методологически, и по глубине охвата являются новаторскими, еще многое предстоит переосмыслить и уточнить – надеюсь, это будет осуществляться грядущими поколениями ученых.

Список литературы

- Аристотель*. Метафизика / Пер. с древнегреч. А. Кубицкого. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
- Бородай С.Ю.* Язык и познание: введение в пострелятивизм. М.: Садра; ЯСК, 2020. 800 с.
- Бородай С.Ю.* Язык, концептуализация и воплощенное познание // Человек. 2022. № 33 (2). С. 46–64.
- Смирнов А.В.* Логика смысла как философия сознания. М.: ЯСК, 2021. 448 с.
- Смирнов А.В.* Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: ЯСК, 2015. 712 с.
- Хайдеггер М.* Гераклит / Пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2011. 510 с.
- Scaglia L.* Kant's Notion of a Transcendental Schema. Berlin: Peter Lang, 2020. 294 p.
- Johnson M.* The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 233 p.

Deep logic and the problem of schematization*

Sergey Yu. Boroday

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sergey_boroday@inbox.ru

The article is an extended version of the paper for the round table discussion “Process Logic and Philosophy of Consciousness” devoted to the key ideas of A.V. Smirnov. The paper deals with two topics: the problem of logical and the problem of the connection between deep logic and linguistic-specific cognitive development. The author criticizes the widespread reduction of “logical” to university logic and proposes to understand A.V. Smirnov’s logic-sense theory as a program of analysis of the intuitions and procedures underlying particular kinds of logic. The distinction between substantive logic and process logic, put forward within this theory, is analyzed in the light of schema theory. The article argues the following: 1) an essential contribution to our cognitive development is made by innate, as well as sensorimotor schemas formed in the process of ontogenesis and cultural learning; 2) they are proto-representations, which have immanent logic (logical visibility), multimodality and automaticity; 3) the difference between substantive logic and process logic, is due to the dominance of one of the schemas (container vs. action) due to acquisition of language and other cultural practices; 4) this distinction is not only ontogenetic but also permanent, i.e. it is maintained in real time through implicit verbalizations, or “inner speech”; 5) the historical appearance of these schemes in language and cultural practices and the dominance of one of them is due to the specifics of human corporality and its embodiment in structurally organized reality.

Keywords: logics, language and cognition, image schemata, cognitive development, cognitive semantics

For citation: Boroday, S.Yu. “Glubinnaya logika i problema skhematizatsii” [Deep logic and the problem of schematization], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 5–15. (In Russian)

References

- Aristotle. *Metaphysics*, trans. by A. Kubitskii. Moscow: Eksmo Publ., 2015. 448 pp. (In Russian)
- Boroday, S.Yu. *Yazyk i poznanie: Vvedenie v postrelativizm* [Language and Cognition. An Introduction to the Postrelative Theory]. Moscow: Sadra Publ.; YaSK Publ., 2020. 800 pp. (In Russian)
- Boroday, S.Yu. “Yazyk, kontseptualizatsiya i voploshchennoe poznanie” [Language, Conceptualization, and Embodied Cognition], *Chelovek*, 2022, No. 33 (2), pp. 46–64. (In Russian)
- Heidegger, M. *Heraclitus*, trans. by A.P. Shurbelev. St. Petersburg: Vladimir Dal’ Publ., 2011. 510 pp. (In Russian)
- Johnson, M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 233 pp.
- Scaglia, L. *Kant’s Notion of a Transcendental Schema*. Berlin: Peter Lang, 2020. 294 pp.
- Smirnov, A.V. *Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglazheniye k razmyshleniyu* [Logic of Sense as a Philosophy of Consciousness (an Invitation to Discussion)]. Moscow: YaSK Publ., 2021. 448 pp. (In Russian)
- Smirnov, A.V. *Soznanie. Logika. Yazyk. Kul’tura. Smysl* [Consciousness. Logics. Language. Culture. Meaning]. Moscow: YaSK Publ, 2015. 712 pp. (In Russian)

* The research was carried out with a financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project “New tendencies of the humanities and social sciences development in the context of digitalization and new social problems and threats: interdisciplinary approach”, Agreement No. 075-15-2020-798, inside number 13.1902.21.0022).